

самодержавия («Предмет самодержавия есть не то, чтобы отнять у людей естественную свободу, но чтобы действия их направить к величайшему благу»⁸²). Вина с плеч самодержавия перекладывалась на плечи отдельных личностей — тиранов, оказавшихся на царском престоле.

Такие монархи, как Грозный, Годунов, — тираны и преступники — подлежат суду историка, но не народа. Карамзин лишает народ права на бунт. Как же тогда объяснить действительно бывшие бунты против самодержцев? Карамзин предлагает свое толкование фактов истории. Народный бунт, мятеж в подобных ситуациях объявляется Карамзиным проявлением суда небесного — это кара божественная за совершенные царями-тиранами преступления, за отступничество от принципов самодержавия. Тем самым с народа снимается «вина» за мятеж — он оказывается всего лишь орудием провидения. В других случаях, когда народ не восстает против самодержца, но терпит бедствия, чинимые властью, Карамзин заставляет его «безмолвствовать». Эти грозные и многозначительные слова, исполненные не только укоризны, но и немой угрозы, довольно часто появляются на страницах последних томов «Истории».

По Карамзину, добродетель народа вовсе не противоречит народной «любви к мятежам». Художественное исследование истории открывало Карамзину эту истину. Он понимал, что не любовь к «установлениям» самодержцев, но «любовь к мятежам», направленным против самодержцев, не исполнявших своего долга — заботиться о благе своих подданных, отличает народ русский. Он мог «безмолвствовать» во время правления тиранов, он мог поднять восстание и «ниспровергнуть» государя, а в минуту испытаний спасти отечество. Свой вывод Карамзин формулировал довольно откровенно: «Сей народ, безмолвный в грозах самодержавия наследственного, уже играл царями, узнав, что они могут быть избираемы и низвергаемы его властью».⁸³ Так Карамзин оказывался способным художественно показать, что коренные черты народного характера раскрываются даже в «неистовстве бунта», отвергая тем самым концепцию русского национального характера, выдвинутую Екатериной II («образцовое послушание»).

Потому и оказалось возможным Пушкину при работе над «Борисом Годуновым» использовать открытия Карамзина. Еще не зная трудов французских историков, Пушкин, опираясь на национальную традицию, вырабатывает историзм как метод познания и объяснения прошлого и настоящего. Следуя за Карамзиным в раскрытии русского национального характера, он создает образ Пимена. Еще более примечательно отношение Пушкина

⁸² Карамзин Н. Соч., т. 8, с. 51.

⁸³ История государства Российского. СПб., 1829, т. 2, с. 101; т. 3, с. 29—30; т. 12, с. 94.